

КУЛЬТУРА

Раздел ведет: Николай Караев, тел. 666 2508, e-mail: nikolain@dzd.ee

20 и 22 сентября на сцене театра «Эстония» состоялась премьера оперы Шарля Гуно «Фауст» в постановке Дмитрия Бертмана.

Тамара УНАНОВА

Интерес публики, судя по залу, заполненному до отказа, и распроданным на все представления до конца года билетам, – исключительный даже для традиционно оперной страны. Похоже, Эстония претендует войти в пятерку самых передовых в этом отношении стран, что радует – хоть в этом мы «впереди планеты всей». В чем же причина столь небывалого интереса? В том, что публика соскучилась по пленительным мелодиям французского композитора, давно ставшим оперными шлягерами, – последняя постановка «Фауста» Гуно на сцене «Эстонии» относится к 1958 году? Или в том, что сюжет оперы, основанный на первой части трагедии Гете, знаком едва ли не каждому?

А может, в том, что постановки Дмитрия Бертмана всегда вызывают живой интерес: нестандартные, с массой находок, порой спорные и даже провокативные, они дают пищу и сердцу, и уму. Таков и его «Фауст» – без привычной Вальпургиевой ночи с шабашем ведьм и отнюдь не самым порочным среди героев красавцем «с кудрями черными до плеч» Мефистофелем.

– Театр «Эстония» стал моим вторым родным домом, – сказал Дмитрий Бертман «ДД» накануне премьеры. – Здесь я поставил «Русалку» Даргомыжского, «Валленберга» Эрки-Свена Туйра, «Любовь к трем апельсинам» Прокофьева. Почти с каждым артистом, занятым в «Фаусте», у меня есть биография взаимоотноше-

ний. Март Мадисте, Рауно Эльп, Хелен Локута, Прийт Вольмер, Урмас Пылдма, Юули Лилль...

– Это артисты, с которыми вы, по моему, давно нашли общий язык?

– Да. В «Фаусте» к нашей эстонско-русской компании присоединились иностранные исполнители. Наряду с потрясающим артистом, певцом и очень живым человеком Оливером Куузиком партию Фауста поет замечательный канадский тенор Люк Робер. В роли Маргариты кроме Айле Ассони заняты прекрасная певица из Норвегии Анне Вик Ларсен и молодая польская певица Джованна Фрезель, получившая специальный приз театра «Эстония» на международном конкурсе вокалистов «Бельведер» в Вене, членом жюри которого я являюсь. У нас три очень разных эстонских Мефистофеля: умный, интеллигентный, артистич-

Почему Фауст не сказал: «Верни мне молодость, чтобы я изобрел лекарство или космический корабль»?

ный Прийт Вольмер; обладающий замечательным голосом и сценической внешностью Павло Балакин, впервые выходящий на сцену в такой большой роли; и звезда мировой оперы Айн Ангер, который будет петь Мефистофеля на родной сцене в октябре. Особенно рад я новой

Дмитрий сегодня

Договор подписан: молодость в обмен на душу. Фауст – Оливер Куузик, Мефистофель – Павло Балакин.

РА

Дмитрий Бертман: сегодня был бы

Договор подписан:
молодость в обмен
на душу. Фауст – Оливер
Куузик, Мефистофель –
Павло Балакин.

Фото: Лияз Трейманн

Мефистофель безработным

встрече с Эне-Лийз Семпер, с которой мы ставили «Валленберга». Она настоящий театральный художник, владеющий разными стилями и чувствующий душу произведения. Я хотел бы работать с ней и дальше. С Велло Пяхном, вашим новым главным дирижером, я встречаюсь впервые и думаю, это будет очень интересная работа.

На первом плане – эмоция

– А теперь перейдем к вашей концепции...

– Как сейчас модно говорить. (Смеется.) Если нет концепции, о чем разговор...

– Как вы думаете, почему эта опера, которая избивает шлягерами и в советское время была в репертуаре каждого крупного театра, оказалась надолго забытой?

– Она идет во многих театрах мира – там, где есть талантливые исполнители роли Фауста. Если достойного исполнителя нет, ставить ее нельзя, а с тенорами сейчас вообще проблема. Из двенадцати опер Гуно только «Фауст» вошел в историю и стал популярным. Опера написана легким музыкальным языком, пронизана танцевальными и песенными интонациями.

– Типично французская лирическая опера, где в центре – любовные чувства...

– При этом Гуно берет серьезный, философский сюжет, казалось бы, совершенно не подходящий для стиля той музыки, которую он пропагандирует. И на стыке жанров возгорелась искра... Концепция здесь есть, и, я надеюсь, публика ее увидит, но для меня в спектакле всегда на первом плане эмоция. Я считаю, что современное искусство поражено опасным вирусом: мы теряем эмоциональность. На спектакле мы думаем о кубике Рубика, о том, что хотел сказать режиссер, – а он, может, ничего не хотел сказать, – и перестаем плакать, смеяться, сопереживать. Я всегда думаю о том, что меня заботит сегодня – не как режиссера, а как зрителя. Ставя «Фауста», я представил, что бы делал Мефистофель, окажись он в нашем мире. И понял, что он остался бы безработным, потому что люди делают столько ужасного, что Мефистофелю и не снилось. Мефистофель спрашивает Фауста, который разочарован в науке, в жизни и в Боге и желает умереть: «Чего ты хочешь? Я тебе все дам. Хочешь денег? Хочешь славы?» Фауст отвечает: «Не хочу, я все это испытал. Мне нужна молодость, чтобы вот эту девочку влюбить в себя». Почему же он, доктор, ученый, не сказал: «Верни мне молодость, чтобы я изобрел лекарство или космический корабль»? Он сам, а не Мефистофель, сделал выбор, он творит трагедию, ко-

торая случилась с юной Маргаритой и ее братом Валентином...

Моральный кризис страшнее экономического

– В вашем «Фаусте» Мефистофель нигде на земле не застанет счастья...

– Да, потому что наша жизнь сегодня – это сплошные неприглядные истории не только в светском обществе, но и в церкви, как в русской православной, так и в католической. Возьмите историю с Pussy Riot, возьмите громкие процессы, идущие сейчас в Ватикане... Когда я здесь ли, в Париже или в Москве захожу в церковь, с меня при входе берут деньги, потому что днем церковь становится музеем. А еще я должен купить свечи и заплатить за крещение, венчание или отпевание... То, что происходит сегодня в церкви, не соответствует тому, что написано в Библии. Храм перестает быть храмом.

– А ведь для Гуно, человека глубоко верующего, едва не ставшего священником, вопросы веры и морали были очень важны.

– Конечно. В том-то и дело, что «Фауст» поднимает вопросы веры, религии и церкви, которые остро стоят в современном мире. Как и вопросы морали, подмены истинных ценностей ложными. Человек становится существом очень циничным. Нынешний моральный кризис общества гораздо страшнее экономическо-

го. Сегодня это очень важная тема, и в «Фаусте» есть все, чтобы ее раскрыть.

– Первоначально Гуно написал «Фауста» с разговорными диалогами, но впоследствии заменил их мелодическими речитативами и дописал балетную сцену «Вальпургиева ночь». Вы ее не включили в спектакль – и это логично, у вас другой шабаш.

– Да. А что касается разговорных диалогов в опере, это опасная вещь. Пение – это огромная эмоция, разговаривать наряду с пением очень тяжело. Когда начинают ставить «Кармен» с разговорными диалогами, сразу ясно: будет провал. В отличие от оперетты, где весь сюжет излагается в диалогах и, если выкинуть любую арию, сюжет не пострадает, в опере существует музыкальная драматургия, которой нужно следовать.

– Вы рассуждаете как настоящий оперный режиссер, но, к сожалению, сейчас за постановку оперы нередко берутся театральные режиссеры, которые не только не знают музыки, но и не любят ее. И забывают о заветах Бориса Александровича Покровского...

– Спасибо, что вспоминаете. Когда я захожу в театр «Эстония», я всегда думаю: вот эти двери открывал Борис Александрович, а на этой сцене он репетировал и ставил фантастический спектакль – «Хованщину» Мусоргского. Я верю, что эта сценическая культура генетически передается в театре из поколения в поколение.